М. С. ГОРАМ

Майкл С. Горам
PhD, адъюнкт-профессор, отдел языков, литератур и культур, Флоридский университет (США)
USA, 301 Pugh Hall, P.O. Box 115565, Gainesville, FL 32611-5565
Тел.: 1 (352) 273-3786
E-mail: mgorham@ufl.edu

О «ПАДОНКАХ» И «КИБЕРДРУЖИННИКАХ»: ВИРТУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОРЧИ ЯЗЫКА[1]

Аннотация. Любой, кто пристально следил за событиями в российской политике в последние годы, подтвердит, что вопросам государственного языка и роли Интернета как источника порчи языка, культуры и политической жизни уделялось повышенное внимание. Только за полгода было предложено 20 законопроектов, призванных ограничивать, контролировать русскоязычный Интернет (Рунет). В этой статье рассматривается, каким образом на формирование представлений о деградации, порче языка, анархии и вседозволенности, влияет отношение общества к языку — начиная с так называемого «языка падонков» и заканчивая гражданским дискурсом В. В. Путина. Эти представления, в свою очередь, позволили ассоциировать российскую интернет-культуру с социально неприемлемым поведением и, таким образом, дали риторическое обоснование для регулирования, ограничения и в конечном итоге — цензуры гражданского дискурса Рунета.

Ключевые слова: Интернет, порча языка, языковая политика, гражданское общество, «язык падонков», хамство, цензура

[1] Данная статья представляет собой главу из коллективной монографии: [Лапина-Кратасюк и др. 2016].

© М. С. ГОРАМ
© К. О. ГУСАРОВА, перевод с англ.

Любой, кто пристально следил за событиями в российской политике в последние годы, подтвердит, что вопросам государственного языка и роли Интернета как источника порчи языка, культуры и политической жизни уделялось повышенное внимание. Представление о том, что в Интернете царит, как выразился один комментатор, «полная анархия и вседозволенность», что это «помойка для спамеров, наркобарыг и других криминальных [sic!] элементов» [Зыков 2013b; 2013c], в последнее время приобретало все более весомый политический капитал и за первые полтора года третьего президентского срока Владимира Путина вызвало к жизни ряд законодательных инициатив, которые были направлены на то, чтобы ограничить возможность высказываний, выражающих непокорство, отличие, инакомыслие. Вот наиболее известные меры.

- Закон, принятый в июне 2012 г. позволил полиции арестовывать и штрафовать граждан, «нарушавших установленный порядок проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», включая распространение в Сети информации о несанкционированных демонстрациях.
- В июле 2012 г. принят закон о возвращении уголовной ответственности за клевету (вопреки принятому менее чем за год до этого решению Дмитрия Медведева исключить ее из числа уголовно наказуемых преступлений).
- В ноябре 2012 г. принят закон, именующий негосударственные организации «иностранными агентами», если они финансируются из-за рубежа и занимаются политической деятельностью.
- В июне 2013 г., после скандала вокруг «Pussy Riot», Путин подписал «Закон о наказании за оскорбление чувств верующих» (также известный как закон «против кощунства»).

Наиболее прямое отношение к задачам, которые я ставлю в данной статье, имеет закон 2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», который в июне 2012 г. санкционировал создание единого реестра, или, как его стали называть, «черного списка» сайтов, содержащих информацию, предположительно направленную на пропаганду детской порнографии, наркотиков и суицида. В принципе это достойное начинание, но закон составлен таким образом, что позволяет не только удалять страницы и сайты-нарушители, но и закрывать целые хостинговые площадки, такие как YouTube, Livejournal и Facebook, даже если нарушающий закон текст был размещен провокатором в качестве комментария к одному-единственному посту (см.: [Доброхотов и др. 2012]). С момента принятия закона перечень зол, на борьбу с которыми он направлен, расширился, включив в себя «экстремизм» (без четкого определения, что понимается под этим термином). А недавно парламентарии обсуждали добавление в список непристойной лексики, или мата, что заставило замминистра связи и массовых коммуникаций открыто признать отсутствие единого представления, что блокировать:

> Мы сталкиваемся с проблемой: зачастую у ведомств нет понимания, что блокировать, а что нет, что опасно для жизни и здоровья, а что нет [Зыков 2013а].

Критики поспешили обвинить парламент в «фактическом введении цензуры», едва скрываемом «под флагом забот об общественной морали и нравственности, которые понимаются с консервативно-патриархальной, ‹…› “религиозной” точки зрения» [Никифоренко 2013]. Столкнувшись с подобными жалобами на вводимую государством цензуру (которая запрещена конституцией Российской Федерации), защитники закона не замешкались с ответом в морализаторском духе. Елена Мизулина, одна из авторов законопроекта, попыталась дискредитировать его критиков, представляющих, по ее словам, «определенные круги, которые можно ассоциировать с педофильским лобби» [Глава комитета 2012]; см. также: [Доброхотов и др. 2012]. Основополагающее значение слов, речи, коммуникации во всех этих случаях — и на уровне того, с чем борются законы, и в риторике, направленной на их защиту, — навело писателя Евгения Бабушкина на следующее размышление:

> Все — про язык, для языка, против языка. ‹…› Отчего там, наверху, помешались на словах и выражениях? Тут чисто блатное внимание к словам: за базар ответишь [Бабушкин 2013].

Е. Бабушкин весьма лаконично отвечает на собственный вопрос: методы силового урегулирования связаны в основном с попытками власти доминировать в публичной сфере, засоренной разнообразными словесными излишествами, которые подрывают легитимность и авторитет правящей элиты. В своем рассуждении я хотел бы показать, как и почему обыденные представления о языке начинают играть важную роль в политической по своей сути системе координат. Я полагаю, что о щ у щ е н и е упадка и разложения, будто бы имеющих место на структурном и коммуникативном уровне электронно-опосредованной коммуникации, способствовало возникновению более широкого дискурса, в рамках которого Интернет предстает как «помойка», характеризующаяся «анархией и вседозволенностью». Подобное восприятие сделало его уязвимым для символического ассоциирования с всевозможными табу и иными видами социально неприемлемого поведения (от нецензурной брани до государственной измены, включая клевету, богохульство, экстремизм и педофилию как различные оттенки этого спектра), давая, таким образом, риторическое обоснование регулирования, контроля или «колонизации» русскоязычного Интернета, или Рунета, как его обычно называют.

Источники порчи языка в Интернете. «Язык падонков»

Едва ли найдется эпизод в лингвистической истории Рунета, который навлек бы более яростные обвинения в порче языка, чем мгновенное распространение так называемого *языка падонков* в начале и середине 2000-х годов. «Пощечина общественному вкусу» XXI в. [jack_patterson 2006], этот порожденный Рунетом сленг характеризовался, согласно определению, данному Зверевой и Бердическим, «преднамеренными орфографическими ошибками, отражавшими в написании слова его произношение, большим количеством речевых штампов, сниженным стилем с использованием обсценной лексики и декларативным отрицанием принудительной грамотности» [Zvereva, Berdicevskis 2014: 123–124]. Все эти элементы присутствуют в «Манифесте падонков», впервые опубликованном на сайте Udaff.com:

> МОНЕФЕСТ «ПАДОНКАФФ»
> Фсвязи с плановым сакрощением фенонсиравонийа аброзаваннийа и истественной ывалйуцыей рускава йазыка призывайу:
> Фсе правела рускай арфаграфии и громатеки - в Бобруйск
> Фсе учепники рускава йазыка и лейтеротуры - фтопку
> Фсем учетилям рускава йазыка и лейтеротуры школ и вузов - выпеть йаду
> Дольнейжее розвитее рускава йазыка паручить энстетутам НИИ БАЦА и НИИ БЕТ (цит. по: [Zvereva, Berdicevskis 2014: 137–138; ср. также: jack_patterson 2006]).

Наряду с новаторской орфографией носители «олбанского» (другое самоназвание языка) создали массу запоминающихся фраз, которые, по крайней мере на время, проникли в обыденный язык масс: *аффтар жжот*, *пеши исчо*, *аффтар выпей йаду*, *превед*, *кросавчег* и т. п. «Падонки» также упивались отборным сквернословием и непристойными шутками, что исследователи справедливо связывают с гипермаскулинностью, отличавшей первых пользователей Рунета [Goriunova 2006].

Недовольные этим явлением оплакивали поругание «великого и могучего» и возвещали грядущую моральную деградацию. Одна учительница сетовала, что ее ученики «воспринимают [“язык падонков”] как норму, узаконенную безграмотность», и выражала сомнение в том, что «учитель в рамках школьной программы может противостоять всеобщей моде на безграмотность[2]». В недавней работе «Самоучитель Олбанского» Максим Кронгауз утверждает, что новое поколение обитателей Сети не только более подвержено орфографическим ошибкам, но и не испытывает ни ма-

[2] «Мои дети воспринимают этот язык как норму, узаконенную безграмотность, и все, что я вложила на уроке, подменится и будет закреплено в искаженном виде за время вечерней прогулки в чатах и форумах» (цит. по: [Парфенева 2009]).

лейшего «стыда» по их поводу [Кронгауз 2013: 123–124]. Некоторые поборники правильной, нормативной речи в онлайне в 2005–2006 гг. развернули кампанию, призванную очистить Интернет от «падонков», размещая у себя в блогах баннеры «Я умею говорить по-русски» и «Пишу по-русски: аффтарам просьба не беспокоить» [Зверева 2012: 69–71].

При более внимательном рассмотрении, однако, в «языке падонков» можно увидеть нечто большее, нежели просто безграмотную ругань. Оказывается, чтобы овладеть им, требуется приложить определенные усилия, в связи с чем этот сленг, как языковой знак отличия, внушает своим носителям немалую гордость по поводу принадлежности к группе «избранных». По замечанию Зверевой, «те, кто находится у истоков языка падонков, даже подчеркивая его демократизм, в то же время стремятся повысить статус этого языка, указывая на отличительные черты “реальных падонков”» [Зверева 2012: 66]. Сходную идею выдвигает Кронгауз, утверждая, что «язык падонков» следует понимать как языковую идеологию, сознательно поддерживающую скорее антиграмотность, чем показатель присущей Сети безграмотности [Кронгауз 2013]. Вместо того чтобы погрязнуть в своеобразной орфографической анархии, потенциальные пользователи должны выучить относительно последовательный набор антиправил, чтобы корректно пользоваться «языком падонков» (см.: [Зверева 2012: 83–128]). В то же время «олбанский» оказался достаточно мимолетной тенденцией. К тому моменту, когда он получил наибольшее распространение в Сети, достигнув пика массовости в 2005–2006 гг., этот экспериментальный сленг утратил интерес в глазах своих создателей, а затем сошло на нет и его использование в более широких кругах. Как в случае большинства новаторских тенденций, утрата новизны неизбежно влекла за собой упадок «олбанского» (см.: [Zvereva, Berdicevskis 2014]). Даже если в конечном счете его влияние на современный русский язык ограничивается несколькими отдельными словами и фразами, в период своей бешеной популярности (пришедшейся как раз на время, когда многие русские впервые получили доступ к Сети) это явление привлекло достаточно широкое внимание, чтобы способствовать созданию впечатления, будто Интернет является источником разложения языка и культуры.

Вербальная агрессия и хамство

Помимо любви к нестандартной орфографии, «язык падонков» отражает определенный уровень грубости, который также стал у многих ассоциироваться с общением в Сети, — разновидность резкого, оскорбительного языка, порой напоминающего то, что в американской культуре именуется «риторикой ненависти» (hate speech), с тем отличием, что он не ограничивается темами расы и религии и довольно часто связывается с русским понятием «хамства» или «невоспитанности». Любой, кто хотя бы мель-

ком просматривал раздел комментариев в некоторых блогах или на сайтах новостей, знает, как легко цивилизованная дискуссия может выродиться во взаимные выпады и оскорбления. Преобладание подобных перепалок в Сети породило предположение, будто такой язык «изливается» в оффлайновую реальность из Интернета. Спустя немало времени после пика моды на «язык падонков» митрополит Русской православной церкви Климент, выступая на заседании комиссии Общественной палаты по сохранению культурного и духовного наследия, сокрушался по поводу «тревожного» состояния русского языка в Интернете:

> Пользователи сети Интернет пишут так же, как и слышат, копируя устную речь, сокращают слова, подменяют их смысл, преднамеренно искажают орфографию русского языка. И этот язык общения так же, как и культура общения сети в целом, все более и более становится основным для молодежи [Выступление 2009].

Или, как заявила Мизулина на круглом столе по вопросам безопасности в Интернете в сентябре 2013 г., —

> Не стоит удивляться, что молодые люди в реальную жизнь выливают всю агрессивность, нецензурную брань, которым научились в сети [Набатов 2013].

В ходе дискуссии, развернувшейся в 2010 г. в «Живом журнале» в ответ на крик души модного блогера: «Почему в русской блогосфере так много ненависти?» [blondycandy 2010], многие обвиняли анонимный характер интернет-коммуникации:

> – дык все просто. зависть и невоспитанность. ну и чувство безнаказанности в сети. при личной встрече вряд-ли кто-то осмелится высказаться.
> – вот вот
> – раз инет, меня никто не знает и не узнает, и буду я делать что хочу[3].

Однако еще больше впечатляет в этом обсуждении тот факт, что большинство теорий, выдвинутых в ответ на вопрос блогера, основывались на представлении, что подобная вербальная агрессия является не отличительной чертой общения в Интернете, а скорее точным барометром, показывающим уровень «хамства» в российской повседневности — существующего то ли в качестве советского пережитка, то ли просто как особенность русского «менталитета»:

[3] В цитатах из Интернета сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

> – …А злости полно вокруг у нас и в обыденной жизни.Продавцы - хамят на пустом месте . В автобусе - водитель орет и т д . Кругом негатив.Общество такое - депрессивно-злое.
> – стадность и неприятие индивидуальности. плюс- совковая мораль и лавочные гены.
> – Гадость, конечно, это чужое г..но, которое всплывает в хорошем блоге или дневнике - но такова наша действительность - Мы не уважаем себя, мы не уважаем других.
> – это наша общая национальная черта.
> – Это не только в рунете, это российский менталитет такой. На улицах, в транспорте, в коллективах, повсюду склоки, травля, грязь и мерзость.

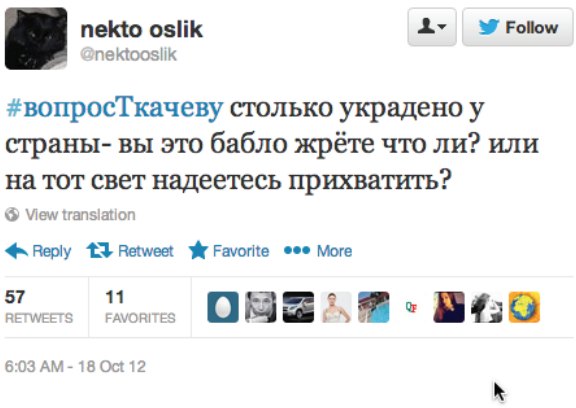
Хотя подобные допущения касательно национального характера являются спорными, они указывают на распространенность впечатления, будто бы «хамство» свойственно исключительно России и его существование определенно предшествует расцвету Интернета. Еще в 1906 г. Дмитрий Мережковский поднимал эту проблему в очерке, озаглавленном «Грядущий хам». Поиск относящихся к «хамству» статей в российской прессе за последние пару десятилетий выдает сотни примеров жалоб на хамское поведение в общественных местах всех и вся — от чиновников и сотрудников правоохранительных органов до продавцов, водителей и пассажиров общественного транспорта. В опросе 2010 г. оно было названо самой раздражающей характеристикой российской повседневности, причем многие признавали, что «хамство, к сожаленью, является неотъемлемой чертой российской действительности» [Михайлова 2010].

Более убедительным выглядит мнение А. М. Роговского и других авторов, полагающих, что хотя Интернет не является сам по себе источником языковой агрессии, в силу своей в е з д е с у щ е с т и он способствовал более широкому и быстрому распространению уже существовавшего «вируса», чем это было возможно в эпоху до Интернета [Роговский 2006]. Рассматривая схожие темы на материале Соединенных Штатов, Наоми Бэрон выдвинула предположение, что коммуникация в Сети не столько м е н я е т принципы вовлечения в дискурсивные практики, сколько у с и л и в а е т характеристики, присущие им в обычной речи [Baron 2008]. Это усиление может быть тем более резким из-за того, что начиная по меньшей мере с середины XIX в. планка языковых стандартов ставилась очень высоко: как заметил Мартин Паульсен, устная и письменная речь соотносилась с тем, что по-русски называется «литературный язык», т. е. в первую очередь с высокими образцами литературного канона XIX в., — а не просто с неким «стандартным» языковым вариантом, как обозначается норма в других языковых культурах [Paulsen 2009: 66–80]. Движение «за культуру речи», доминировавшее в советской языковой культуре с позднесталинского периода, продолжало воспроизводить языковую идеологию «литературности», соединив ее с морально окрашенной идеей «культурности»:

представлением о том, что необходимо цивилизованно себя вести и в письменной, и в устной речи (см.: [Gorham 2014]). Поэтому хотя в опутанном Всемирной паутиной современном мире стало намного легче оспаривать и даже формировать границы общественно приемлемого языка, невзирая на авторитет нормы, метаязыковая память об освященном веками тургеневском «великом и могучем» сохраняет влияние, заставляя разрыв с нормой выглядеть вопиюще.

«Невоспитанность» или «гражданские дебаты»?

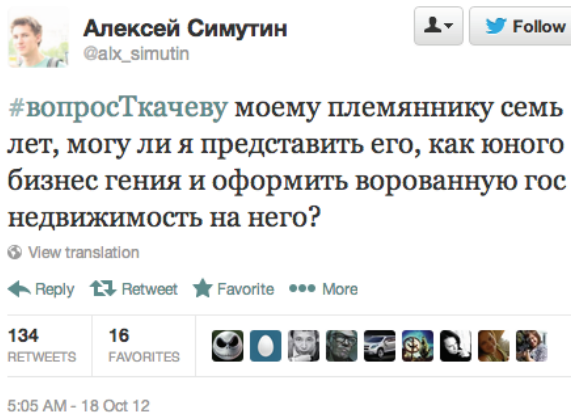
Разрыв между возвышенным характером языковых идеологий и изрядной небрежностью повседневных практик языка создает гремучую смесь в сетевых политических дискурсах, где голоса оппозиции стремятся доминировать, реализуя право на свободу слова и гражданскую дискуссию в такой форме, которая бросает вызов и коммуникативным нормам, и политическому престижу. Возьмем, к примеру, реакцию на твиттер-конференцию — инициативу губернатора Краснодарского края Александра Ткачева. Предложив своим подписчикам присылать вопросы с хэштегом *#вопросТкачеву*, губернатор за один день получил более 20 000 вопросов, преобладающая часть которых была отправлена не из его региона и зачастую имела иронический, критический тон, фокусируясь почти исключительно на случаях коррупции и некомпетентности государственных чиновников вообще и в частности Ткачева (которого многие обвиняют в провале борьбы с разрушительным наводнением, унесшим более тысячи жизней в причерноморском городе Крымске в июле 2012 г.) — см. ил. 1–5.

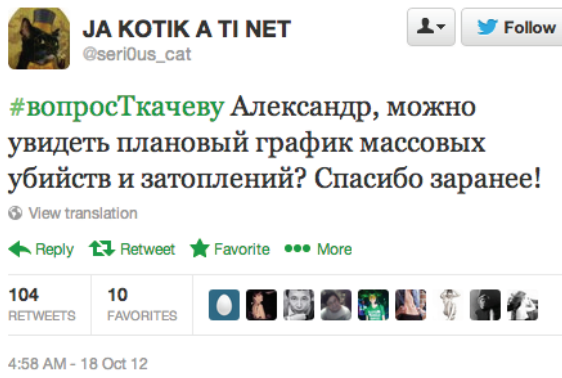
Ил. 1 (https://twitter.com/nektooslik/status/258870858184011776)

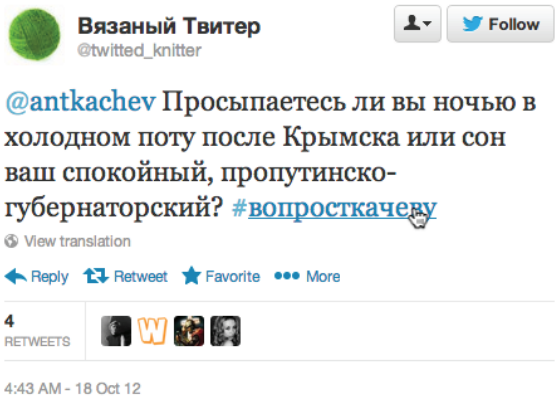
Ил. 2 (https://twitter.com/konstantinmsk/status/258853728466108416)

Ил. 3 (https://twitter.com/alx_simutin/status/258856191604699136)

Ил. 4 (https://twitter.com/seri0us_cat/status/258854648738353152)

Ил. 5 (https://twitter.com/twitted_knitter/status/258850715311685632)

Когда влиятельные блогеры, такие как Алексей Навальный и Ксения Собчак, привлекли внимание к твиттер-конференции, *#вопросТкачеву* мгновенно возглавил топ наиболее популярных хэштегов в Рунете[4]. Губернатор со своей стороны виртуального круглого стола браво игнорировал шквал негатива, ответив вместо этого за отведенные для общения три часа на 50 вопросов различной тематики — от образования, здравоохранения и подготовки к Олимпийским играм в Сочи до своего вероисповедания (он воцерковленный православный христианин), футбольных интриг и трудоустройства в органах местной власти («Госслужащих отбирают по конкурсу. Если ваше резюме соответствует, то все получится. Оставьте телефон. Вам позвонят»[5]). Но поскольку возможность задать вопрос привлекла количество желающих, существенно превосходящее число подписчиков губернаторского «Твиттера», в конце концов он совершенно утратил контроль над ситуацией. Правила игры диктовались теперь легионом русскоязычных пользователей «Твиттера», антагонистически настроенных по отношению к центральной власти и никак не связанных с населением Краснодарского края, с которым планировал пообщаться губернатор. Ткачев, полагая, что он выходит в виртуальное публичное пространство, конфигурация которого повторяет какой-нибудь зал заседаний или, например, улицу в Краснодаре, неосмотрительно ступил на гораздо более глобализированную и враждебную территорию и которая была ему неподвластна. Значительное число комментариев содержало сленг, пошлости и агрессию, обычно ассоциирующиеся с языком Интернета, но еще большее число вопросов просто отражало накопившееся недовольство граждан, хотя и окрашенное иронической рефлексией провокационного характера сообщений,

[4] Способность популярных блогеров наподобие Навального задавать вектор общественной дискуссии, мобилизуя и направляя виртуальные сообщества, безусловно, является одним из наиболее мощных инструментов политической оппозиции.

[5] https://twitter.com/antkachev/status/258853658152820737.

однако при этом выражавшееся в соответствии с нормами правильной речи[6]. Отмечу, что самой успешной попыткой иронического противостояния в ключе гражданской дискуссии стало, конечно, уничижительное именование «Единой России» «Партией жуликов и воров», которое (благодаря Навальному и Интернету) мгновенно распространилось зимой 2011 г., и к весне 2013-го свыше половины населения России узнавали его и называли точной характеристикой [Свыше половины 2013].

Цивилизаторские проекты Путина как профилактика гражданского неповиновения

Хотя грамматические ошибки и «хамство», без сомнения, раздражают многих пользователей Рунета, в действительности именно этот третий уровень открыто политизированной дискурсивной задиристости спровоцировал в последние годы законодательную атаку государственного аппарата на электронно-опосредованную коммуникацию. Однако для оправдания своих действий власть весьма часто прибегает к языку лингвистического и культурного пуризма. В 2010 г. Путин, как известно, объявил, что Интернет на 50% состоит из порнографии, а во время выборов президента в 2012 г. глава его предвыборного штаба Станислав Говорухин назвал Всемирную сеть «помойкой», контролируемой Госдепом США [Говорухин 2012]. Государственное телевидение (возможно, реагируя на растущую конкуренцию с Интернетом за доходы от рекламы) вторило этим оценкам, транслируя дискуссии, в которых пользование Интернетом сводилось к выбору между «свободой» и «вседозволенностью» — с неизбежной победой последней [Интернет 2013].

Наряду с воздвижением риторического бастиона «стабильности» и «законности» критика раздающихся из Сети непокорных голосов опиралась на символическое позиционирование Рунета (где оппозиция добилась наибольшего успеха) вне нормативных границ «цивилизованного» общества. Я намеренно говорю о «цивилизованном обществе», а не о «гражданском», так как эти понятия, нередко смешиваемые в английском языке, в русском существенно различаются. В этом смысле примечательно, что в своей речи на инаугурации мэра Москвы Сергея Собянина Владимир Путин непосредственно противопоставил «разрушительные действия и гражданское противостояние» и «цивилизованные демократические процедуры»[7]. Хотя при случае он может апеллировать к понятию «гражданское обще-

[6] Возможно, по случайному совпадению (в любом случае это показательно с точки зрения растущего стремления центральной власти как можно более полно контролировать Интернет) спустя всего лишь несколько недель после неудачной инициативы Ткачева появились сообщения о попытках Кремля призвать губернаторов к большей сдержанности в Твиттере. См., например: [Рубин 2012].

[7] «Люди увидели, что в нашей стране вообще и в таких крупных мегаполисах, как Москва, власть формируется не с помощью деструктивных акций или гражданского противостояния, а с помощью цивилизованных демократических процедур» (цит. по: [Владимир Путин 2013]).

ство», с той же вероятностью прилагательное *гражданский* появится в сочетании со словами *ответственность* и *солидарность*:

> Именно в гражданской ответственности, в патриотизме вижу консолидирующую базу нашей политики. ‹…› Власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создаётся прочная моральная основа для созидания, для утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости, для национально ориентированного сознания [Послание Президента 2012].

Таким образом, дискурс цивилизованной речи предлагается в качестве альтернативной, безобидной модели электронно-опосредованной коммуникации взамен агрессивного и неоднозначного дискурса гражданского спора.

В том же послании парламенту 2012 г., где Путин уделил много внимания необходимости создания новой национальной идентичности, он поместил язык в основание того, что он назвал «государством-цивилизацией»:

> Россия веками развивалась как многонациональное государство — изначально так было, — государство-цивилизация, скреплённое русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире [Послание Президента 2012][8].

Не столько понятия свободы слова и самовыражения, сколько институты «литературного языка» и культуры гарантируют «самоопределение» и «самобытность» граждан:

> Роль образования тем важнее, что для воспитания личности, патриота нам нужно восстанавливать роль великой русской культуры и литературы. Они должны быть фундаментом для самоопределения граждан, источником самобытности и основы для понимания национальной идеи [Послание Президента 2012].

Этой идее вторил Говорухин в полемической статье о необходимости поддерживать национальную культуру в период, когда Россия стоит на «цивилизационной развилке»:

> Никто не сможет переубедить меня в том, что основа русской национальной идентичности — это многонациональная по своей форме и гуманистическая по своему содержанию русская культура.

[8] Ср.: «Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как ”цветущая сложность”, как государство-цивилизация, скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России» (цит. по: [Заседание 2013]).

> Ее основа, без сомнения, — русский язык. Не только для сограждан, но и для всего мира это в первую очередь язык Толстого и Достоевского, Чехова и Булгакова [Говорухин 2013].

В контексте этого дискурса о языке как основании российской цивилизации совсем не удивительно, что Интернет играет роль «варвара» — в особенности учитывая требование Путина, чтобы «цивилизованная коммуникация» подчинялась букве закона (которую он же сам и вывел):

> Цивилизованный диалог возможен только с теми политическими силами, которые цивилизованным же образом выдвигают, обосновывают и формулируют свои требования, отстаивают их в рамках закона [Послание Президента 2012].

С такой точки зрения появление неправительственной организации «Лига безопасного интернета» совершенно ожидаемо. Ее легионеры, добровольцы — «кибердружинники» — борются за «чистый Интернет», выискивая сайты с опасным контентом и сообщая о них по инстанции — инициатива, которая обосновывается необходимостью быть начеку против «внешних врагов». Наряду с подразумеваемой смысловой парой «чистое–грязное» в основе мотивирующего эту деятельность дискурса лежат понятия «порядка» и «защиты», трактуемые в традиционно русском (и немного советском) ключе:

> В древней Руси дружина исполняла функции по обеспечению внутреннего порядка и защищала государство от внешних врагов. В дружине состояли только самые искусные и умелые войны. Во времена СССР дружинники помогали милиции следить за правопорядком.
> Кибердружина — это добровольное объединение, действующее в сети. Она связывает добровольцев, готовых отслеживать правонарушения в интернете и сообщать о них в правоохранительные органы. Кибердружинники — люди, которым небезразлична судьбы [sic!] будущего поколения страны [Кибердружина][9].

Первый региональный контракт на подключение услуги «Чистый интернет», разработанной «Лигой безопасного интернета», был заключен в Костромской области и вступил в силу 1 октября 2013 г. Подробнее см.: [В Костромской области 2013].

На первый взгляд, все это замечательно, особенно для людей патриотического склада, ностальгирующих по советскому и древнерусскому общественному порядку, хотя стоит отметить, что внешний характер воспринимаемой угрозы задает противопоставление «нас» и «их», причем «они» — это предположительно чужеземцы, нерусские басурмане (мета-

[9] Цитата приводится по данным на 15 января 2015 г. В настоящее время эта запись на сайте отсутствует.

фора выдержана в духе риторики, породившей «иностранных агентов»). Еще одна проблема заключается в том, что якобы «негосударственная организация» в действительности оказывается связанной с Кремлем самым тесным образом. Это детище помощника президента, бывшего министра связи и массовых коммуникаций Игоря Щеголева, который является главой Попечительского совета Лиги, и Константина Малофеева, крупнейшего миноритария «Ростелекома» (того самого «Ростелекома», что разрабатывает первый в России государственный интернет-поисковик, запуск которого предполагался в 2014 г.). Учредителем Лиги числится также Благотворительный фонд Святителя Василия Великого — организации, близкой к Русской православной церкви, а годовой бюджет проекта насчитывает 40 млн долларов [Earle 2013]. Вполне закономерно, что критики рассматривают этот проект как спонсируемого государством «троянского коня», пример того, что бывший министр финансов Алексей Кудрин пренебрежительно назвал «имитационными механизмами, квази-НКО» [Тагаева 2013]. По словам веб-консультанта Арсения Бобровского (автора микроблога KermlinRussia):

> Декларация борьбы с детской порнографией и педофилией — это эффективный способ получить 100%-ную общественную поддержку и настолько высокий уровень доверия к проектам Лиги, чтобы общество относилось к любым ее действиям максимально некритично [KermlinRussia 2013].

Другая проблема заключается, разумеется, в лицемерии этого дискурса, учитывая готовность Кремля культивировать собственное сетевое хамство в форме оплачиваемого троллинга оппозиции (см. подробнее: [Григорьева, Чувиляев 2012; Гармажапова 2013]).

Заключение

Итак, основной стратегией сдерживания оппозиционного дискурса является представление его базового средства коммуникации — Интернета и новых медиа-технологий — в качестве благоприятной почвы для сил, которые могут угрожать основам российской государственности, сил, находящихся за рамками нормативного поведения: сквернословящих кощунников, клеветников, наркоманов, педофилов и иностранных агентов. Особенно в сравнении с высокими нормами традиционного литературного языка электронно-опосредованная коммуникация, вне всяких сомнений, отражает более вульгарную языковую реальность повседневной жизни. Контркультурные, неиерархические и неподцензурные традиции Рунета действительно способствуют выстраиванию подобных ассоциаций. Однако, как я пытался здесь показать, эти характеристики, как правило, предстают либо (в утрированном виде) приметами языковой практики за

пределами Интернета (случай «хамства»), либо (случай «языка падонков») специфическими чертами средства коммуникации, негативное влияние которых на языковую культуру в целом почти никак не проявляется. В действительности, если смотреть шире, различные формы риторического очищения, будь то карательный канцелярит новых законодательных инициатив, морализаторское наречие православной церкви, цивилизующий язык государства или воинственный клич самопровозглашенных кибердружинников, сами представляют вполне реальную и, возможно, более разрушительную форму вербальной агрессии[10].

По крайней мере в настоящий момент Рунет, пожалуй, не то место, куда стоит обращаться за традиционными моделями культурных норм и цивилизованного общения (хотя и они там, безусловно, представлены, стоит только поискать). Но покуда «цивилизованное» используется для отсылки к «нормативному» или «традиционному», с точки зрения центральной власти, а не в значении «толерантного» и «восприимчивого к многообразию», как это слово обычно интерпретируется в культурах, где получило развитие понятие «гражданское общество» [Hall 2013: 22–26], именно «нецивилизованная» коммуникативная среда Рунета будет определять потенциал этой сферы в качестве пространства общественного противостояния и дискуссии. Послужат ли вышеозначенные характеристики этого пространства основанием для его «колонизации» — покажет время[11].

[10] По замечанию А. М. Роговского, «нравственность в качестве атрибута Власти (государственной, духовно-религиозной) слишком часто оказывалась наиболее благовидной формой мотивации насилия, выступала в качестве цели, оправдывающей насильственные средства, — то есть в своих социально значимых проявлениях сама оказывалась зараженной тем же самым “вирусом” насилия» [Роговский 2006: 63]. См. также: [Потсар 2013].

[11] Как написал более десяти лет назад Джон Кац, «флейминг можно назвать лакмусовой бумажкой, барометром, указывающим, насколько свободным является или остается киберпространство ‹…› Флейминг в сети подобен шуму реактивных двигателей вблизи аэропорта, это закономерный фон, часть цифрового континуума» [Katz 2009].

Интернет-источники

Бабушкин 2013 — *Бабушкин Е.* Либерасты в озерзамках // Сноб. 2013 г., 14 авг. URL: http://www.snob.ru/selected/entry/63832.

В Костромской области 2013 — В Костромской области заработал «чистый интернет» // Лига безопасного интернета. 2013 г., 1 окт. URL: http://www.ligainternet.ru/news/news-detail.php?login=yes&ID=2499.

Владимир Путин 2013 — Владимир Путин поздравил Сергея Собянина с официальным вступлением в должность мэра Москвы // Президент России. 2013 г., 12 сент. URL: http://kremlin.ru/news/19211.

Выступление 2009 — Выступление митрополита Климента на заседании «Интернет-общение: культурная революция или культурная деградация» в Общественной палате РФ // Официальный сайт Московского Патриархата. 2009 г., 25 марта. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/597095.html.

Гармажапова 2013 — *Гармажапова А.* Где живут тролли. И кто их кормит // Новая газета. 2013, 9 сент. URL: http://www.novayagazeta.ru/politics/59889.html.

Глава комитета 2012 — Глава комитета Госдумы считает, что законопроектом о т. н. «черных списках» недовольно «педофильское лобби» // Pravo.ru. 2012 г., 10 июля. URL: http://pravo.ru/news/view/74847.

Говорухин 2012 — Говорухин назвал интернет «помойкой в руках Госдепа» // Newsru.com. 2012 г., 20 февр. URL: http://www.newsru.com/russia/20feb2012/govorukhin.html.

Говорухин 2013 — *Говорухин С.* Пора развернуть общероссийский фронт в поддержку отечественной культуры // Общероссийский народный фронт. 2013 г., 30 сент. URL: http://onf.ru/2013/09/30/stanislav-govoruhin-pora-razvernut-obshherossijskij-front-v-podderzhku-otechestvennoj-kul-tury.

Григорьева, Чувиляев 2012 — *Григорьева И., Чувиляев П.* Долина троллей. В нее постепенно превращается российский интернет // Новая газета. 2012 г., 9 апр. URL: http://www.novayagazeta.ru/society/52045.html.

Доброхотов и др. 2012 — *Доброхотов Р., Лашук Н., Белодедова М.* Елена Мизулина: «Википедия — прикрытие педофильского лобби» // Slon.ru. 2012 г., 10 июля. URL: http://slon.ru/russia/elena_mizulina_vikipediya_prikrytie_pedofilskogo_lobbi-809860.xhtml.

Заседание 2012 — Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 2013 г., 19 сент. URL: http://kremlin.ru/news/19243.

Зыков 2013a — *Зыков В.* Алексей Волин: «Зачастую у ведомств нет понимания, что блокировать» // Известия. 2013 г., 29 марта. URL: http://izvestia.ru/news/547587 (2013a).

Зыков 2013b — *Зыков В.* Володин предложил Рунету выработать для себя правила // Известия. 2013 г. 9 сент. URL: http://izvestia.ru/news/556703 (2013b).

Зыков 2013c — *Зыков В.* У крупнейших сайтов Рунета проверили реакцию на жалобу // Известия. 2013 г., 29 авг. URL: http://izvestia.ru/news/556231 (2013c).

Интернет 2013 — Интернет: свобода или вседозволенность?: [Вып. передачи «Политика»] // Первый канал. 2013 г., 30 мая. URL: http://www.1tv.ru/sprojects_edition/si5905/fi23695.

Кибердружина — Кибердружина // Лига безопасного Интернета. URL: http://ligainternet.ru/liga/activity-cyber.php.

Михайлова 2010 — *Михайлова А.* Что бесит в России? Хамство, олигархи и бедные пенсионеры // Аргументы и факты. 2010 г., 4 мая. URL: http://www.aif.ru/health/article/34481.

Набатов 2013 — *Набатов А*. Елена Мизулина: «Нынешняя молодежь путает свободу и вседозволенность» // Аргументы и факты — Омск. 2013 г., 9 сент. URL: http://www.omsk.aif.ru/society/society_details/114945.

Никифоренко 2013 — *Никифоренко М*. Шагреневая кожа свободы: «Цензура в России вводится под различными благовидными предлогами» // Новые известия. 2013 г., 16 окт. URL: http://www.newizv.ru/politics/2013-10-16/190780-shagrenevaja-kozha-svobody.html.

Парфенева 2009 — *Парфенева Т*. Вкус слова // Учительская газета. 2009, 15 дек. № 50. URL: http://www.ug.ru/archive/29878.

Послание Президента 2012 — Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 2012 г., 12 дек. URL: http://kremlin.ru/news/17118.

Потсар 2013 — *Потсар А*. Страна победившего хамства: почему в России не могут спорить без оскорблений // Forbes. 2013 г., 29 марта. URL: http://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/236228-strana-pobedivshego-hamstva-pochemu-v-rossii-ne-mogut-sporit-bez-osk.

Рубин 2012 — *Рубин М.* Кремль запрещает губернаторам Twitter // Известия.ру. 2012, 7 нояб. URL: http://izvestia.ru/news/539097.

Свыше половины 2013 — Свыше половины страны считает ЕР «партией жуликов и воров» // Левада-Центр. 2013 г., 29 апр. URL: http://www.levada.ru/29-04-2013/svyshe-poloviny-strany-schitaet-er-partiei-zhulikov-i-vorov.

Тагаева 2013 — *Тагаева Л*. Кудрин о нелюбви власти к НКО: «Она действует в рамках массового общественного мнения» // Слон. 2013 г., 26 сент. URL: http://slon.ru/russia/kudrin_o_nelyubvi_vlasti_k_nko_ona_deystvuet_v_ramkakh_massovogo_obshchestvennogo_mneniya-996792.xhtml.

blondycandy 2010 — *blondycandy*. Почему в русской блогосфере так много ненависти? // Живой журнал, блог blondycandy. 2010 г., 25 мая. URL: http://blondycandy.livejournal.com/214091.html.

Earle 2013 — *Earle J*. Smut-free Web evokes censorship fears // Moscow Times. 2013, 5 February. URL: http://www.themoscowtimes.com/news/article/smut-free-web-evokes-censorship-fears/475033.html.

jack_patterson 2006 — *jack_patterson*. Самая правильная история падонкафф // Живой журнал, сообщество padonki_history. 2006 г., 15 марта. URL: http://padonki-history.livejournal.com/1836.html.

Katz 2009 — *Katz J*. Flaming Freud: Analyzing Homo Incinerans // Slashdot.org. 2009, 9 Oct. URL: http://slashdot.org/article.pl?sid=00/09/25/180228&tid=95&tid=9.

KermlinRussia 2013 — KermlinRussia: будущее без опасного Интернета // Forbes. 2013 г., 6 февр. URL: http://www.forbes.ru/mneniya-column/protesty/233792-kermlinrussia-budushchee-bez-opasnogo-interneta.

Литература

Зверева 2012 — *Зверева В*. Сетевые разговоры: Культурные коммуникации в Рунете. Bergen: Univ. of Bergen, 2012. 279 с. (Slavica Bergensia; 10).

Кронгауз 2013 — *Кронгауз М*. Самоучитель Олбанского. М.: АСТ, 2013. 440 с.

Лапина-Кратасюк и др. 2016 — Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве / Под ред. Е. Г. Лапиной-Кратасюк, О. В. Мороз, Е. Г. Ним. М.: Нов. лит. обозрение, 2016 (в печати).

Роговский 2006 — *Роговский А. М.* Формы насилия в культуре: темпорально-психологический аспект // Человек. 2006. № 1. С. 62–68.

Baron 2008 — *Baron N. S.* Always on: Language in an Online and Mobile World. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. 304 p.

Goriunova 2006 — *Goriunova O.* 'Male literature' of Udaff.com and other networked artistic practices of the cultural resistance // Control + Shift: Public and private usages of the Russian Internet / Ed. by H. Schmidt et al. 2nd revised edition. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2006. P. 177–197.

Gorham 2014 — *Gorham M. S.* After Newspeak: Language Culture and Politics in Russia from Gorbachev to Putin. Ithaca; New York: Cornell Univ. Press, 2014. 234 p.

Hall 2013 — *Hall J.* The Importance of Being Civil: The Struggle for Political Decency. Princeton: Princeton Univ. Press, 2013. 272 p.

Paulsen 2009 — *Paulsen M.* Hegemonic Language and Literature: Russian Metadiscourse on Language in the 1990s: PhD Dissertation. Bergen: Univ. of Bergen, 2009.

Zvereva, Berdicevskis 2014 — *Zvereva V., Berdicevskis A.* Slangs go online, or The rise and fall of the Olbanian language // Digital Russia: Language, culture, and politics in the age of new media communication / Ed. by M. Gorham et al. London: Routledge Press, 2014. P 123–140.

Перевод с англ. К. О. Гусаровой

On 'scumbags' and 'cyberpatrols': Virtual sources of language contamination

Gorham, Michael S.
PhD, Associate Professor, University of Florida
USA, 301 Pugh Hall, P.O. Box 115565, Gainesville, FL 32611-5565
Tel.: 1 (352) 273-3786
E-mail: mgorham@ufl.edu

Abstract. Anyone who has been paying close attention to Russian politics over the past years can attest to the heightened attention devoted to public language and the internet as sources of verbal, cultural, and political contamination. According to one policy watch group, in just the past six months, some 20 different pieces of draft legislation have been introduced to restrict, control, monitor, or otherwise regulate the Russian-language internet (Runet). This article examines how and why commonly held attitudes toward language help shape the perception of degradation, pollution, anarchy and all-permissiveness, beginning with the phenomenon of "scumbag language" (*iazyk padonkov*) and extending to Putin's recently embraced civilizational discourse. This perception, in turn, has made Russian internet culture vulnerable to symbolic associations with all sorts of taboo or otherwise socially unacceptable behavior (ranging from cursing to treason, with

slander, blasphemy, extremism, and pedophilia somewhere along that spectrum) and has thus provided rhetorical justification for regulating, reigning in, repatriating, and ultimately censoring Runet-based civil discourse.

Keywords: Internet, language contamination, language policy, civil society, language of 'scumbags' (Rus. *iazyk padonkov*), rudeness, censorship

References

Baron, N. S. (2008). *Always on: Language in an online and mobile world*. Oxford: Oxford Univ. Press. 304 p.

Gorham, M. S. (2014). *After Newspeak: Language culture and politics in Russia from Gorbachev to Putin*. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press. 234 p.

Goriunova, O. (2006). 'Male literature' of Udaff.com and other networked artistic practices of the cultural resistance. In H. Schmidt et al. (eds.). *Control + Shift: Public and private usages of the Russian Internet*. 2nd revised edition, 177–197. Norderstedt: Books on Demand GmbH.

Hall, J. (2013). *The importance of being civil: The struggle for political decency.* Princeton: Princeton Univ. Press. 272 p.

Krongauz, M. (2013). *Samouchitel' Olbanskogo* [Tutorial in "Olbanian" language]. Moscow: AST. 440 p. (In Russian).

Lapina-Kratasiuk, E. G., Moroz, O. V., Nim, E. G. (2016). *Nastroika iazyka: upravlenie kommunikatsiiami na postsovetskom prostranstve* [Tuning of language: Administrating communications in post-Soviet space]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (forthcoming). (In Russian).

Paulsen, M. (2009). *Hegemonic language and literature: Russian metadiscourse on language in the 1990s: PhD dissertation*. Bergen: Univ. of Bergen.

Rogovskii, A. M. (2006). *Formy nasiliia v kul'ture: temporal'no-psikhologicheskii aspekt* [Forms of violence in culture: Temporal and psychological aspect]. *Chelovek* [Human]*, 1*, 62–68. (In Russian).

Zvereva, V. (2012). *Setevye razgovory: kul'turnye kommunikatsii v Runete* [Web talks: Cultural communication in Runet]. Bergen: Univ. of Bergen. 279 p. (Slavica Bergensia; 10). (In Russian).

Zvereva, V., Berdicevskis, A. (2014). Slangs go online, or The rise and fall of the Olbanian language. In M. Gorham et al. (eds.). *Digital Russia: Language, culture, and politics in the age of new media communication*, 123–140. London: Routledge Press.

Gorham, M. S. (2015). On 'scumbags' and 'cyberpatrols': Virtual sources of language contamination. *Shagi / Steps, 1*(2), 186–204